
ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

EXPERIENCE OF CRIME COUNTERACTION IN RUSSIA AND ABROAD

Научная статья

УДК 343.6

DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(5).578-591

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОФИЛАКТИКА СКУЛШУТИНГА И КИБЕРБУЛЛИНГА В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Т.С. Волчецкая, М.В. Авакьян, Е.В. Осипова

Балтийский федеральный университет имени И. Канта, г. Калининград, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

10 августа 2021 г.

Дата принятия в печать

3 ноября 2021 г.

Дата онлайн-размещения

25 ноября 2021 г.

Ключевые слова

Девиантное поведение; насилие в молодежной среде; массовые убийства; скулшутинг; травля в сетях; кибербуллинг; профилактика преступности; ситуационный подход

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-111-50513

Аннотация. В статье представлен результат анализа современных форм насилия в образовательных учреждениях, таких как скулшутинг и кибербуллинг. Установлено, что кибербуллинг и в большей степени скулшутинг практически не исследованы в российской юридической науке, в то время как в зарубежных научных источниках отмечена необходимость их научного осмысления для установления детерминантов девиантного поведения и оптимизации его профилактики. На основании материалов изучения уголовных дел исследованы особенности криминологической характеристики кибербуллинга и скулшутинга и выявлена их тесная взаимосвязь. Проанализирован и уточнен категориально-понятийный аппарат, предложена классификация скулшутинга, дана характеристика его основных видов. Установлено, что массовые убийства в образовательных учреждениях являются самостоятельным криминальным феноменом, не связанным с понятием террористического акта, вовлечением молодежи в экстремистскую деятельность или склонением несовершеннолетнего к суициду. Представлена общая криминологическая характеристика феномена скулшутинга: показана его динамика в России и зарубежных странах, выявлены основные детерминанты. Криминологическая характеристика личности преступника проанализирована через следующие показатели: пол, возраст, образование, особенности воспитания, нравственно-психологические особенности, специфика целевых установок и др. Установлено, что в подавляющем большинстве случаев нападения на образовательные организации осуществляли лица мужского пола в возрасте 14–18 лет. Большинство скулшутеров имеют навыки обращения с огнестрельным оружием. Изучены зарубежные исследования по указанной проблематике, с позиций ситуационного подхода проведен сравнительный анализ проявлений и распространенности скулшутинга и кибербуллинга в России, США и странах Европейского союза. Определено, что подавляющее количество случаев скулшутинга, зарегистрированных в мировой истории, произошло в США, в то время как проявление скулшутинга в странах Евросоюза имеет явно выраженный разовый характер. В России за последние семь лет также наметилась тенденция ежегодного совершения массовых убийств в образовательных учреждениях. На основе анализа зарубежного опыта, а также с учетом проведенного масштабного интервьюирования школьников и педагогов в различных регионах России предложены меры профилактики скулшутинга и кибербуллинга с учетом национальной специфики.

Original article

THE CRIMINOLOGICAL DESCRIPTION AND PREVENTION OF SCHOOL SHOOTINGS AND CYBERBULLYING IN RUSSIA AND ABROAD

Tatyana S. Volchetskaya, Michael V. Avakyan, Ekaterina V. Osipova

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, the Russian Federation

Article info

Received

2021 August 10

Abstract. The authors analyze modern manifestations of violence in educational establishments, such as school shootings and cyberbullying. Cyberbullying and, to a greater degree, school shootings remain practically unresearched by Russian legal scholars, while foreign authors stress the necessity of their research with the purpose

Accepted
2021 November 3
Available online
2021 November 25

Keywords

Deviant behavior; youth violence; mass killings; school shooting; bullying on social media; cyberbullying; crime prevention; situational approach

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR, project number 20-111-50513

of identifying the determinants of deviant behavior and optimizing its prevention. The authors used the materials of criminal cases to study the criminological characteristics of cyberbullying and school shootings, and identified their close interconnection. They analyzed and specified the conceptual framework, offered a classification of school shootings, and described their main types. It is stated that mass murders in educational establishments are an independent criminal phenomenon not connected with the concept of a terrorist attack, involvement of young people into extremist activities or driving an adolescent to a suicide. A general criminological description of school shootings is presented: the authors show its dynamics in Russia and abroad and single out its key determinants. The criminological features of the personality of the criminal are described using the following indices: gender, age, education, specifics of upbringing, moral and psychological traits, specifics of goals and ambitions, etc. It is stated that in the overwhelming majority of cases attacks in educational establishments were carried out by males of 14–18 years old. Most perpetrators had skills in the use of firearms. The authors examined foreign publications on the topic and conducted a comparative analysis of the spread of school shootings and cyberbullying in Russia, the USA and the EU countries from the standpoint of situational approach. It was determined that the overwhelming number of cases of school shootings registered in the world history happened in the USA, while in the EU the cases were evidently sporadic. In Russia in the last seven years there has been a trend for annual mass murders in educational institutions. Using the analysis of foreign experience and the results of a large-scale interviewing of schoolchildren and teachers in different regions of Russia, the authors suggest measures of preventing school shootings and cyberbullying while taking into account specific national features.

Введение

Потребность в исследовании феномена совершения массовых убийств в образовательных учреждениях в российской криминологической науке возникла сравнительно недавно. Если еще 10–20 лет назад проблема скулшутинга была актуальна в большей степени в США, то участвовавшие за последние 10 лет случаи массовых расстрелов в школах стран Евросоюза, а затем и в России требуют своевременного реагирования как со стороны научного сообщества, так и со стороны компетентных правоохранительных органов.

Острота проблемы и необходимость оперативного ее решения, повышенный интерес к теме девиантного поведения в образовательной среде со стороны различных участников гражданского общества неизбежно приводят к некоторым погрешностям: неточному установлению сущности или подмене понятий, неверному выбору вектора направления профилактической работы [1, с. 135].

Феномен скулшутинга только начинает исследоваться в российской и зарубежной юридической науке [2; 3], поэтому необходимо изучить особенности криминологической характеристики скулшутинга и кибербуллинга в различных странах и на ее основе разработать научные рекомендации по профилактике опасных форм девиантного поведения в образовательной среде.

Кибербуллинг и скулшутинг как современные формы насилия в образовательных учреждениях

Проблема научного осмысления насилия в образовательной среде была поднята около 35 лет назад. Однако в последнее десятилетие проявляется качественно иная трансформация девиантного поведения молодежи, получают распространение новые формы насилия в образовательных учреждениях. В рамках данного исследования было проведено анонимное анкетирование учащихся и преподавателей общеобразовательных школ ряда регионов России по вопросам различных форм девиантного поведения в образовательной среде¹. Анализ результатов анкетирования позволил установить, что 61 % опрошенных педагогов отмечают учащение количества случаев проявления физического насилия на протяжении последних пяти лет, а 11 % считают, что данной тенденции не менее десяти лет; 68 % респондентов отметили значительное увеличение числа случаев проявления психологического насилия.

По мнению опрошенных учителей, на сегодняшний день актуальную угрозу представляют кибербуллинг (57,3 %) и буллинг (56,4 %), физическое насилие (45,7 %), психическое насилие (44,8 %), в том числе посредством вовлечения в

¹ В анонимном анкетировании приняли участие 523 педагога и 1 849 учащихся школ Калининградской, Томской, Нижегородской областей и Алтайского края.

различного рода деструктивные группы и организации, склонение несовершеннолетних к суициду (38,3 %), скулшутинг (16,9 %), сексуальное насилие и вымогательство.

Это подтверждается также и результатами исследований зарубежных ученых о распространении современных форм насилия в молодежной среде [4].

Буллинг как форма молодежного насилия предполагает систематическую и целенаправленную травлю определенной группой молодых людей одного из своих сверстников, который не смог по различным причинам в полной мере социализироваться [5]. Так, согласно результатам проведенного анкетирования школьников, 63 % опрошенных ответили, что в их классе имеются учащиеся, с которыми никто не общается; 45 % респондентов сообщили, что в их классе были учащиеся, которые не находили общего языка с другими ребятами и по этой причине уходили в другую школу. Также 63 % респондентов доводилось видеть, как другого ученика неоднократно обижали, оскорбляли, пугали сверстники (при этом 17 % указали, что травля имела место в интернет-пространстве).

Можно выделить три ключевых критерия для определения школьного буллинга: намерение агрессора причинить жертве эмоциональный вред; повторяющийся характер поведения; неравенство сил агрессора и жертвы (реальное или воображаемое) [6].

При этом многочисленные исследования показывают неизменчивость акторов, участвующих в буллинге [7]. Так, опрос 5 тыс. студентов из Финляндии показал, что 51 % лиц, которые издевались над своими однокурсниками во время обучения в высших учебных заведениях, также издевались над своими одноклассниками в предшествующие школьные годы, а 47 % из тех, кто подвергался преследованиям в вузе, ранее были жертвами издевательств в школе [8]. Эти, а также полученные нами результаты в полной мере согласуются с разработанной М. Перхоло теорией интеграции равноправного сообщества (*The peer community integration theory*), согласно которой уровень интеграции человека в референтную среду в детстве и подростковом возрасте отражается в дальнейшем на способности интегрироваться в другие сообщества сверстников [9, p. 41].

Ввиду неуклонного развития технического прогресса буллинг претерпел существенные изменения, связанные с перемещением травли в киберпространство, что позволяет вести речь

о новой форме девиантного поведения — *кибербуллинге*. Анализ зарубежной научной литературы показывает, что буллинг следует рассматривать как типичный феномен в мировом масштабе, а не на региональном или индивидуальном уровне [10].

Как справедливо отмечают Е.В. Бочкарева и Д.А. Стренин, кибербуллинг представляет собой большую угрозу, чем просто буллинг, в силу возможной анонимизации личности преступника, отсутствия ограничений во времени и пространстве при посягательствах, а также большей жестокости интернет-травли в силу отсутствия непосредственного контакта с жертвой посягательства (обратной связи) [11, с. 92].

В то же время детерминанты буллинга крайне разнообразны и во многом предопределены спецификой социально-экономического развития каждого отдельного государства.

Последствия перенесенного в школьные годы буллинга отражаются на последующей жизнедеятельности человека (развивают чувства одиночества и фрустрации у индивида, препятствуют установлению ординарной межличностной коммуникации) [9, p. 41]. При этом систематический буллинг, независимо от формы его реализации, обуславливает общую криминализацию молодежной среды и может привести к совершению несовершеннолетними преступлений (побои, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, убийство и иное).

Наибольшую общественную опасность представляет *скулшутинг*, феномен которого в зарубежной научной литературе только начинает активно изучаться. Так, профессор этнических исследований Университета Колорадо в Боулдере Д. Белкнап рассматривает *скулшутинг* как событие, при котором учащийся учебного заведения применяет огнестрельное оружие с целью причинить смерть как минимум одному учащемуся или преподавателю данного учреждения или тяжкий вред их здоровью. Исследователь выделяет такой самостоятельный подвид *скулшутинга*, как *rampage school shooting* (беспорядочная школьная стрельба), где преступный умысел нацелен не на одну конкретную жертву, а на неограниченное количество учащихся [12].

Профессор С. Димитру отмечает, что *скулшутеры* не являются типичными массовыми убийцами, которые выбирают жертв наугад. Напротив, у большей части стрелков имелся *hit list* (расстрельный список потенциальных жертв), в который, как правило, вносятся данные булле-

ров (обидчиков) будущего стрелка. При этом случайные жертвы, пострадавшие в результате такого преступления лишь потому, что оказались не в том месте и не в тот час, неизбежны [13, р. 452].

Несмотря на прямое противопоставление приведенных гипотез, каждая из них имеет право на существование, дополняя имеющиеся представления о детерминантах и видах исследуемого криминального феномена. Проведенный анализ показал, что легальное определение такого криминального феномена, как скулшутинг, в кодифицированных нормативных правовых актах зарубежных стран фактически отсутствует.

Следует отметить, что проблематика скулшутинга для России является новой, и разработка категориально-понятийного аппарата, выявление детерминантов, специфики совершения такого рода преступлений на территории России, а также выработка научно обоснованных рекомендаций по их профилактике — крайне перспективная задача.

Между тем на сегодняшний день уровень отечественных разработок по данному вопросу несопоставим с зарубежными исследованиями. Например, Е.А. Тыщенко рассматривает скулшутинг как вооруженное нападение учащегося или стороннего человека на школьников внутри учебного заведения [14, с. 300]. Такое определение основано на слишком упрощенном (поверхностном) восприятии проблемы, поскольку под описанные критерии вполне подходит и террористический акт, совершенный в Беслане (Республика Северная Осетия) в 2004 г., хотя случаем скулшутинга он не является.

Более того, прямая синонимизация скулшутинга и терроризма неоднократно упоминается в работах других отечественных исследователей [15].

Несомненно, для многообразия доктринальных определений терроризма характерна чрезвычайная широта, расплывчатость, многообразие и противоречивость [16, с. 25], в то время как легальное определение террористического акта, изложенное в ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ, не охватывает полный спектр возможных деяний террористического характера.

Между тем рассмотрение любого случая массовых убийств в образовательной среде через призму критериев, выработанных М.А. Волковой в ходе анализа легального определения террористического акта, не позволяет охарактеризовать скулшутинг как террористический акт

ввиду несоответствия данного действия фундаментальным признакам теракта [17, с. 373].

Для достижения целей и задач настоящего исследования представляется верным взять за основу дефиницию, предложенную Ю.В. Суходольской, которая рассматривает скулшутинг как убийство (или покушение на убийство) двух или более лиц, совершенное одновременно либо на протяжении небольшого промежутка времени в образовательной организации, без периодов эмоционального охлаждения, сопряженное с опасностью для неопределенного количества лиц, характеризующееся единым преступным намерением при отсутствии террористических либо корыстных мотивов [18, с. 120].

При этом, основываясь на проведенном нами анализе случаев скулшутинга как в России, так и за рубежом, можно сделать вывод, что массовые расстрелы в образовательных учреждениях совершаются лицами, так или иначе имеющими к ним отношение (обучающийся в настоящий момент, завершивший обучение или отчисленный). Исходя из этого, полагаем, что скулшутинг можно определить как убийство в школе двух и более лиц, совершенное лицом, как правило имеющим или имевшим правовую связь с образовательной организацией, сопряженное с опасностью для неопределенного количества лиц, характеризующееся единым преступным намерением.

Сравнительный анализ криминальных ситуаций массовых расстрелов (скулшутинга) в образовательных учреждениях США, странах Евросоюза и России

Отправной точкой в мировой истории массовых убийств в образовательных организациях принято считать случай, произошедший 20 апреля 1999 г. в школе «Колумбайн» (штат Колорадо, США), где два ученика — Эрик Харрис и Дилан Клиболд — убили 12 учащихся, 1 преподавателя и ранили в общей сложности 23 чел., после чего застрелились сами. Они использовали стрелковое оружие и самодельные взрывные устройства, а именно: карабин Hi-Point 995, пистолет Intratec TEC-9, обрезы ружей Savage-Springfield 67Н (помповое) и Stevens 311D (двустволка), 45 трубчатых бомб, 10 коктейлей Молотова. Хронология и отдельные детали данного криминального события неоднократно являлись предметом научного анализа в работах психологов и социологов, а также в работах публицистов. Для достижения целей и задач настоящего

исследования в их подробном описании нет необходимости [19; 20].

Нападение на школу, совершенное Эриком Харрисом и Диланом Клиболдом, не было первым или самым массовым убийством подобного рода в истории США. Так, 1 августа 1966 г. 25-летний Чарльз Уитмен, забаррикадировавшись наверху 28-этажной башни Техасского университета, в течение 96 мин расстрелял 16 чел. (32 чел. получили ранения) [21].

Тем не менее произошедшее в 1999 г. криминальное событие стало наиболее известным в информационной среде примером скулшутинга [22], а слово «колумбайн» приобрело нарицательное значение для последующих аналогичных случаев. В результате именно этот случай является своего рода отправной точкой для цепочки массовых убийств в школах США и за ее пределами, продолжающихся и по сей день [20; 23, с. 444; 24].

Количество случаев скулшутинга остается самым значительным именно в США, несмотря на то что подходы к их систематизации варьируются [25].

Анализ случаев скулшутинга в странах ЕС позволил сделать вывод, что массовые расстрелы в образовательных учреждениях — феномен, который появился в Европе еще в 1960-х гг. Некоторые исследования относят к скулшутингу не имеющие, на наш взгляд, к нему отношения ситуации убийств в школах, совершенные взрослыми людьми с вполне конкретными мотивами и в отношении конкретных лиц и ранее, и в последние десятилетия прошлого столетия.

В то же время случаи скулшутинга в европейских странах носят единичный характер, и только в Германии насчитывается пять таких преступлений. Во всех анализируемых ситуациях скулшутеры использовали огнестрельное оружие — преимущественно пистолеты, реже винтовки, револьверы и самодельные взрывчатые вещества. Все преступления совершались в дневное время и, как правило, длились не более часа. В 25 % случаев скулшутер заканчивал жизнь самоубийством [26; 27]. В основном стрелками являлись ученики, либо ранее отчисленные из школ, либо подвергавшиеся буллингу.

При анализе предкриминальной ситуации в ряде случаев скулшутинга в 2000-х гг. было выявлено, что преступник интересовался сайтами колумбайн-последователей, некоторые из них оставляли видео или сообщения в мессенджерах о своих намерениях [28]. Кроме того, поряд-

ка 65 % случаев массовых расстрелов в школах Европы состоялось после 2000 г. Также очевиден вывод о том, что количество случаев скулшутинга в странах ЕС несоизмеримо меньше числа аналогичных преступлений в США.

Анализ ситуации в Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что она отличается от аналогичной ситуации в странах Европы, где случаи массовых убийств в образовательных учреждениях либо носили разовый характер, либо вообще не имели место. Некоторые исследователи отмечают, что начиная с 2014 г. (первого случая скулшутинга) и по состоянию на 2018 г. в России было совершено более 15 нападений, которые можно охарактеризовать как скулшутинг [29, с. 22]. Другие ученые, опираясь на данные ТАСС, исходят в своих исследованиях из 22 случаев скулшутинга [14, с. 300].

Между тем столь обширная эмпирическая база представляется не вполне корректной, поскольку ряд эпизодов причисляется к скулшутингу лишь по формальным признакам (факт посягательства на жизнь и здоровье граждан в стенах образовательной организации; применение при совершении противоправного деяния оружия).

В этой связи более репрезентативными представляются данные Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова, которые по состоянию на декабрь 2018 г. выделяют в Российской Федерации 3 случая скулшутинга, а также 16 нападений учеников на одноклассников и сотрудников образовательных организаций России с применением холодного оружия и других средств [30, с. 63–64].

В целях настоящего исследования нами были проанализированы опубликованные в научной литературе и сети Интернет случаи скулшутинга, имевшие место в Российской Федерации. Мы систематизировали их исходя из сформулированного ранее в данной статье определения скулшутинга. Начиная с 2014 г. в Российской Федерации массовые убийства в образовательных учреждениях (преимущественно школах) происходили ежегодно от одного до четырех раз в год, не считая 2020 г., когда из-за пандемии школы и университеты были переведены на дистанционный режим обучения. При этом за неполный 2021 г. отечественная статистика скулшутинга пополнилась двумя криминальными событиями, которые произошли в Казани (11 мая 2021 г.) и в Перми (20 сентября 2021 г.). Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на отсутствие положительной динамики зарегистрированных случаев скулшутинга в Российской Фе-

дерации, массовые убийства в образовательных учреждениях носят систематический характер и представляют существенную угрозу общественной безопасности.

Особенности личности преступника (скулшутера)

Проведенный анализ социально-демографических особенностей личности преступника показал, что в подавляющем большинстве случаев нападения на образовательные организации осуществляли лица мужского пола. Исследователи из США, где 96 % скулшутеров за период с 2000 по 2017 г. так же оказались мужчинами, объясняют эту закономерность через призму общей теории деформации, где мужской гендер является значимым и независимым фактором риска причинения вреда другим [31; 32].

Анализ материалов судебной практики показал, что средний возраст отечественного скулшутера — 14–18 лет. При этом следует отметить, что средний возраст преступника, посягающего на жизнь и здоровье широкого круга лиц, в Российской Федерации несколько ниже, чем в США. Так, зарубежные ученые на основе анализа 97 эпизодов скулшутинга пришли к выводу, что средний возраст преступника — 21 год [33]. Другая группа исследователей на основе проведенного анализа случаев скулшутинга, имевших место на территории США с 1999 по 2018 г., сделала вывод, что если возраст преступника больше 20 лет, то вероятность летального исхода для потенциальных жертв в результате нападения значительно выше [25].

В силу юного возраста лиц, совершавших нападения на образовательные учреждения, выявить у них в качестве общей закономерности предшествующего опыта противоправной деятельности не удалось. Между тем многие скулшутеры умели обращаться с огнестрельным оружием и даже имели навыки стрельбы из него.

Также следует отметить, что 63 % от общего числа российских скулшутеров воспитывались в полных семьях и имели положительные характеристики со стороны окружения и преподавателей.

Нравственно-психологические свойства преступника в большей степени представляют совокупность негативных типологических качеств индивида, предопределяющих преступность его поведения. К таким качествам могут быть отнесены характерологические качества, потребности личности, ее ценностные позиции и некоторые другие личностные особенности [34].

Нужно отметить, что необходим и более строгий контроль за психическим здоровьем и состоянием подростков на школьном уровне [35].

Вне зависимости от подхода к определению скулшутинга наиболее часто упоминаемыми причинами данного явления на страницах специальной литературы являются: проблемы в семье; буллинг (травля со стороны сверстников, ощущение социальной изоляции); жестокость, воспитанная продуктами массовой культуры; личные психологические проблемы (комплексы, депрессии); проблемы со здоровьем [12; 33].

Ученые-социологи зачастую рассматривают причинность агрессии в образовательной среде через призму использования информационных технологий в качестве «консциентального оружия» [36]. Например, В.А. Сапрыкин полагает, что под воздействием современной массовой культуры (фильмов ужасов, боевиков, компьютерных игр — шутеров и др.) и под влиянием «деструктив-групп» в социальных сетях у молодых людей формируются разрушительные поведенческие установки, и они устраивают кровавые побоища в местах массового скопления людей [37, с. 20].

Между тем результаты других исследований свидетельствуют, что лишь 15 % школьных стрелков имели ярко выраженный интерес к компьютерным играм со стрельбой. При таких обстоятельствах насилие в компьютерных играх не может стать значимым фактором проявления насилия в реальной жизни [38].

Также одной из немаловажных мотивационных составляющих, которую отмечают как отечественные, так и зарубежные исследователи, является «подражательство» предшествующим аналогичным преступлениям.

С учетом имеющихся концептуальных представлений в науке, а также на основе анализа материалов судебно-следственной практики представляется возможным выделить конкретно-персонализированные и хаотичные виды скулшутинга [39; 40]. Для первого вида характерен прямой умысел на лишение жизни определенного человека либо нескольких человек, которые имеют непосредственную связь со скулшутером. При этом не исключена возможность лишения жизни или причинения вреда здоровью лиц, не охватываемых первоначальным преступным замыслом. Такое развитие собственно криминальной ситуации целесообразно рассматривать как эксцесс

исполнителя. Детерминантами конкретно-персонализированных случаев скулшутинга являются, как правило, неудачный опыт коммуникации, обусловленный травлей, оскорблениями или буллингом.

Согласно зарубежным исследованиям, более 80 % лиц, совершивших нападения на школы, испытывали на себе давление, издевательства, травлю со стороны группы сверстников, побои или даже получали ранения и увечья. Так, Дж. Клейн прямо называет буллинг главной причиной школьных расстрелов. В роли буллеров могут выступать не только сверстники, но и преподаватели, обидевшие подростка. Согласно исследованиям, фактор буллинга как причины школьной стрельбы составляет около 50 % от всех случаев [41].

Таким образом, основной мотивационной составляющей для данного вида скулшутинга является чувство возмездия или протеста против систематического физического или психического насилия.

Случаи хаотичного скулшутинга чаще предопределены психическими расстройствами, имеющимися у посягателей, низким уровнем социализации, домашним насилием. Совершая преступления, такие лица ставят перед собой цель верифицировать истинность какой-либо деструктивной теории, «очистить мир» или заявить о своих убеждениях.

Преступный умысел в таких видах скулшутинга прямой, но совершенно не конкретизированный. Количественный фактор в большей степени играет роль для скулшутера, нежели качественный. Жертвой преступления может стать любой ученик или педагог образовательной организации, а также лица, случайно оказавшиеся на месте преступления и никак не связанные с преступником.

Особенности профилактики массовых убийств в образовательных учреждениях в России и за рубежом

Соединенные Штаты Америки. В целях выработки эффективных мер по профилактике массовых убийств в образовательных учреждениях группой американских исследователей были описаны защитные факторы, существенно снижающие риск возникновения негативных ситуаций в виде случаев скулшутинга. Данные факторы ранжированы через три группы критериев: индивидуальные, межличностные и общественные [42]. По мнению авторов, учет защитных факторов способствует созданию

безопасной общественной среды, укреплению навыков общения и решению проблем у воспитателей и родителей, а также просвещению учащихся по вопросам насилия в школах [43].

Сходным образом изложена четырехсторонняя модель оценки (The Four-Pronged Assessment Model), разработанная М. О'Тул и направленная на заблаговременное выявление лиц, склонных к совершению скулшутинга. Эта модель обеспечивает основу для оценки рисков, чтобы определить, есть ли у учащегося мотивация, средства и намерение осуществить провозглашенную угрозу. Оценка основывается на «совокупности обстоятельств», известных об учащемся, в четырех основных областях:

– личность студента (включает в себя учет стрессоустойчивости, агрессивности, целеустремленности, коммуникативных навыков, самоопределения учащегося, отношение подростка к соблюдению правил и норм);

– семейная динамика (оценка норм поведения, правил, традиций и ценностей конкретной семьи);

– образовательная динамика и место ученика в ней (предполагает учет установленных и фактически сложившихся правил, моделей поведения, мышления, обычаев, традиций и ценностей в конкретной образовательной организации);

– социальная динамика (неформальные модели поведения, мышления, убеждений, традиций и ролей, которые распространены в молодежной среде в пределах одного района или города) [44, р. 11–14].

Если в результате рассмотрения конкретного учащегося через призму четырехсторонней модели оценки имеются серьезные проблемы в большинстве из четырех областей, то угроза потенциального совершения скулшутинга оценивается как высокая или среднего уровня. К таким результатам следует относиться более серьезно: поставить подростка на учет; привлечь к индивидуальной профилактической работе с учащимся представителей школьной администрации и (или) правоохранительных органов [ibid., р. 11].

Кроме того, согласно данным метаанализа, проведенного в 2007 г., школьные профилактические программы, включающие как психологические, так и социальные аспекты насилия в школах, в целом имели положительный эффект для снижения агрессивного и деструктивного поведения учащихся в школьной среде (случаев физического насилия, буллинга) [45]. Также в образовательных организациях реализуются

программы по профилактике буллинга как одного из детерминантов скулшутинга. Такие программы, как правило, основаны на новейших образовательных технологиях, включая интерактивность, модульное построение, ориентацию на определенную целевую группу [46; 47].

Помимо этого в разных штатах существуют программы, предусматривающие проведение тренировочных учений, во время которых ученикам и персоналу учебных заведений объясняют, как действовать в случае нападения вооруженных людей [48].

Существенное место среди различных программ профилактики занимают и общественные инициативы, которые в большей степени направлены на ограничение гражданского оборота огнестрельного оружия в США. Так, ученики печально известной школы «Колумбайн» в 2019 г. запустили социальный проект MyLastShot. Его участники клеят на свои телефоны, водительские права и студенческие билеты стикеры с сообщением: «Если я умру от огнестрельного оружия, пожалуйста, опубликуйте фотографию моего тела», таким образом стремясь привлечь внимание к «ужасающим реалиям, связанным с насилием от применения огнестрельного оружия» [49].

Страны Европейского союза. Целый комплекс мер, направленных на профилактику скулшутинга, был принят в Германии после трагических событий в школе в Эрфурте в 2002 г. Так, существенным образом были ужесточены правила гражданского оборота огнестрельного оружия, разработаны и внедрены в деятельность правоохранительных органов рекомендации по тактике силового противодействия скулшутерам, пересмотрена роль психологов в контексте поддержки учащихся. Помимо этого, школы в обязательном порядке стали информировать родителей об успеваемости детей, а также о случаях их привлечения к дисциплинарной ответственности².

Однако различные исследования не смогли верифицировать гипотезу о том, что вооруженные охранники снижают количество потенциальных смертей в случае скулшутинга. В то время как такие меры, наоборот, могут посеять панику и создать угнетающую атмосферу в образовательном учреждении [50], и с этим следует согласиться.

² How a school shooting 15 years ago changed Germany // The Local. URL: <https://www.thelocal.de/20170426/how-a-school-shooting-15-years-ago-changed-germany>.

Между тем было установлено, что в среднем тема однократного скулшутинга сохраняет свою актуальность в медиасреде на протяжении шести месяцев [51]. В этой связи более значимым направлением представляется непосредственная работа с учащимися, направленная на выработку у них критического мышления в целях превенции совершения аналогичных преступлений на почве подражания.

Российская Федерация. В настоящее время вопросам профилактики различных форм девиантного поведения в молодежной среде в Российской Федерации уделяется значительное внимание. Однако острота проблемы, требующая оперативных, но в то же время научно обоснованных решений, а также повышенный интерес к теме девиантного поведения в образовательной среде со стороны различных участников гражданского общества неизбежно приводят к ее упрощению, подмене понятий или их неправильному восприятию в процессе осуществления профилактической работы.

В то же время потребность в эффективных мерах со стороны государственных и, в частности, правоохранительных органов очевидна. Так, только в 2019 г. были предотвращены массовые убийства в образовательных организациях в Адыгее, Татарстане, Кировской, Свердловской и Смоленской областях, Ненецком автономном округе, Красноярском и Хабаровском краях³.

Довольно спорными представляются и некоторые пути решения проблемы массовых расстрелов в образовательной среде, которые высказываются исследователями-социологами и политологами: принятие мер по изменению образа учителя в социальном сознании; формирование комплекса мер по государственному управлению системой образования и неформальной ее частью в СМИ и Интернете (по мнению исследователей, это «позволит государству контролировать современный электронный контент, в том числе индустрию компьютерных игр» [37, с. 21]); создание аналитической спецслужбы по концентриальному противостоянию (это «позволит обеспечивать государственную безопасность в сфере смыслов» [52]).

Между тем тревогу вызывает низкий уровень информированности указанных лиц о современных формах насилия, получивших широкое распространение в молодежной среде. Так,

³ В российском городе предотвратили массовое убийство в школе // Лента.ру. 2019. 24 сент. URL: <https://lenta.ru/news/2019/09/24/shooting>.

результаты анонимного анкетирования, проведенного в рамках настоящего исследования, показали, что работники образовательной сферы имеют весьма размытое представление о сущности и содержании различных форм молодежного насилия: 19,2 % опрошенных преподавателей не знакомы с понятием «кибербуллинг», в отношении термина «скулшутинг» показатели еще более тревожные — 47,0 % респондентов впервые узнали о криминальном феномене «скулшутинг» при прохождении анкетирования. Примечательным является и то обстоятельство, что 72 % респондентов из числа учителей не проходили специального обучения (например, в рамках повышения квалификации) по разрешению ситуаций насилия в школе (буллинга, кибербуллинга, гендерного насилия, скулшутинга и т.д.). При этом 76 % педагогов заявили о необходимости усиления внеучебной работы с учащимися. Применительно к конкретным мерам, направленным на предупреждение и пресечение распространения насилия в образовательной среде, опрошенные преподаватели выделили: индивидуальные беседы с учащимися (82 %); проведение тематических уроков (67 %); приглашение для выступления с лекциями представителей правоохранительных органов (70 %); обсуждение проблемы в классе (66 %).

В контексте создания эффективной системы профилактики скулшутинга, буллинга и иных форм насилия в образовательной среде особая роль, на наш взгляд, должна отводиться субъектам первичной профилактики — педагогам и административно-управленческому персоналу образовательной организации.

Совершенно справедливо одним из направлений профилактики следует считать работу по снижению общего уровня насилия в школах, в рамках которого подростки должны приобретать в школе социальные навыки (сопереживание, толерантность, способность к мирному разрешению конфликтов), а также навыки, позволяющие критически оценивать средства массовой информации, которые демонстрируют насилие [29].

Выводы

Проведенный анализ научной литературы и результатов анкетирования учащихся и преподавателей общеобразовательных школ ряда регионов России показал, что среди современных форм насилия в молодежной среде преобладают: буллинг и кибербуллинг, скулшутинг, склонение несовершеннолетних к суициду. Все

указанные формы насилия взаимосвязаны и в разной степени общественно опасны.

Массовые убийства в образовательных учреждениях (скулшутинг) являются самостоятельным криминальным феноменом, не связанным с понятием террористического акта, вовлечением молодежи в экстремистскую деятельность или склонением несовершеннолетнего к суициду. Следует отметить, что нередко проявляется связь буллинга и скулшутинга в том, что буллинг становится одним из мотивационных факторов совершения массовых убийств в школах и входит в содержание предкриминальной ситуации.

Проявление скулшутинга в странах Евросоюза имеет явно выраженный разовый характер. Подавляющее количество случаев скулшутинга в мировой истории произошло в США, в России за последние семь лет также наметилась тенденция ежегодного совершения массовых убийств в образовательных учреждениях.

Анализ зарубежной научной литературы показал, что феномен скулшутинга в значительной мере исследован в США и практически не изучен в России. Преимущественно его исследованию посвящены труды ученых — психологов, социологов, педагогов. Учеными-криминологами данный вид преступления стал изучаться только недавно.

На основе проведенного исследования нами были выделены два вида скулшутинга: конкретно-персонализированный и хаотичный, которые разграничиваются по цели преступного посягательства и детерминантам, побудившим лицо к совершению преступления.

Выявлены особенности личности преступника, его негативные типологические качества. В подавляющем большинстве случаев стрелками являлись школьники (студенты) либо лица, ранее отчисленные из школ, подвергавшиеся буллингу. С учетом того что мужской гендер — значимый и независимый фактор риска причинения вреда другим, скулшутинг совершают преимущественно лица мужского пола, средний возраст которых — 14–18 лет. Большинство скулшутеров имеют навыки обращения с огнестрельным оружием. Нравственно-психологические свойства преступника в большей степени представляют совокупность негативных типологических качеств индивида, предопределяющих преступность его поведения.

Анализ специальной литературы показал, что количество и качество зарубежных программ, направленных на профилактику насилия в образовательной среде в контексте проблематики скулшутинга, значительно превосходят

российский уровень. При этом меры преимущественно направлены на охрану образовательных учреждений, ограничение свободного оборота огнестрельного оружия, ориентированы на систематическую работу с молодежью.

Имеется необходимость дальнейшей научной проработки вопросов, связанных с организацией профилактической работы по уменьшению числа случаев скулшутинга и буллинга, приведению данной деятельности к единообразию в части методологических подходов с учетом положительного опыта зарубежных стран и подготовкой соответствующих компетент-

ных кадров. К основным направлениям такого противодействия следует отнести: развитие научных исследований, осмысление и адаптацию положительного зарубежного опыта с учетом российской специфики; дальнейшую разработку научно обоснованной криминологической характеристики скулшутинга и кибербуллинга; развитие различных форм правового информирования в молодежной среде; специализированную подготовку кадров (сотрудников образовательных учреждений всех уровней) по выявлению первичных признаков формирования склонности к скулшутингу и их пресечению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демидова-Петрова Е.В. Криминализация несовершеннолетних и меры ее предупреждения в условиях глобализации / Е.В. Демидова-Петрова. — DOI 10.24411/2078-5356-2018-10421 // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 4 (44). — С. 134–137.
2. Travers Á. Youth Responses to School Shootings: A Review / A. Travers, T. McDonagh, A. Elklit. — DOI 10.1007/s11920-018-0903-1 // Current Psychiatry Reports. — 2018. — Vol. 20, iss. 6. — P. 47.
3. Agnich L.E. A Comparative Analysis of Attempted and Completed School-based Mass Murder Attacks / L.E. Agnich. — DOI 10.1007/s12103-014-9239-5 // American Journal of Criminal Justice. — 2015. — Vol. 40, no. 1. — P. 1–22.
4. Spotlight on adolescent health and well-being. Findings from the 2017/2018 Health Behaviour in School-aged Children (HBSC) survey in Europe and Canada. International report / ed. J. Inchley, D. Currie, S. Budisavljevic [et al.]. — Copenhagen : WHO Regional Office for Europe, 2020. — Vol. 1: Key Findings. — 59 p.
5. Salmivalli C. Bullying and the Peer Group: A Review / C. Salmivalli. — DOI 10.1016/j.avb.2009.08.007 // Aggression and Violent Behaviour. — 2010. — Vol. 15, iss. 2. — P. 112–120.
6. Leonard C. Teachers' Responsibilities towards the Bullying behaviours of Students : Thesis Master of Arts / C. Leonard. — Montreal : McGill University, 2013. — 128 p.
7. Bullying Roles in Changing Contexts: The Stability of Victim and Bully Roles from Primary to Secondary School / M. Schäfer, S. Korn, F.C. Brodbeck [et al.]. — DOI 10.1080/01650250544000107 // International Journal of Behavioral Development. — 2005. — Vol. 29, iss. 4. — P. 323–335.
8. Pörhölä M. Kiusaaminen Opiskeluyhteisössä [Bullying in University Community] / M. Pörhölä // Opiskeluterveys / ed. K. Kunttu, A. Komulainen, K. Makkonen, P. Pynnönen. — Helsinki : Duodecim, 2011. — P. 166–168.
9. Pörhölä M. Do the Roles of Bully and Victim Remain Stable from School to University? / M. Pörhölä. — DOI 10.4324/9781315750132-4 // Bullying Among University. Theoretical Considerations / ed. H. Cowie, C.-A. Myers. — London : Routledge, 2016. — P. 35–47.
10. Bullying Perpetration and Victimization in Elementary School Students Diagnosed with Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder / S.H. Bong, K.M. Kim, K.H. Seol, J.W. Kim. — DOI 10.1016/j.ajp.2021.102729 // Asian Journal of Psychiatry. — 2021. — Vol. 62, iss. 3. — P. 102729.
11. Бочкарева Е.В. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга / Е.В. Бочкарева, Д.А. Стренин. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(1).91-97 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 1. — С. 91–97.
12. Belknap J. School Shooting / J. Belknap, T. Greathouse // Encyclopædia Britannica. — 2019. — URL: <https://www.britannica.com/topic/school-shooting#ref315495>.
13. Dumitriu C. Crisis Management in School Shootings Situations. The School — A Forgotten Factor in the Equation / C. Dumitriu. — DOI 10.1007/978-1-4614-5526-4_20 // School Shootings. International Research, Case Studies, and Prevention / ed. N. Böckler, T. Seeger, P. Sitzer, W. Heitmeyer. — New York : Springer, 2013. — P. 441–476.
14. Тыщенко Е.А. Скулшутинг: современная причина страхов учащихся / Е.А. Тыщенко // Инновационное развитие науки образования : сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. — Пенза, 2019. — С. 300–302.
15. Гончаров Л.А. «Колумбайн» и скулшутинг в структуре молодежного экстремизма и терроризма / Л.А. Гончаров // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. — 2019. — № 2. — С. 29–31.
16. Джинджолия Р.С. О некоторых вопросах определения терроризма и информационного терроризма / Р.С. Джинджолия, М.М. Хачидогова // Уголовная юстиция. — 2019. — № 13. — С. 25–28.
17. Авакьян М.В. Скулшутинг как форма девиантного поведения террористической направленности / М.В. Авакьян // Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании : сб. материалов Междунар. науч.-практ. форума. — Калининград, 2021. — С. 368–375.
18. Суходольская Ю.В. Скулшутинг как самостоятельный криминологический феномен / Ю.В. Суходольская // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2020. — № 3 (77). — С. 117–120.
19. Каллен Д. Колумбайн / Д. Каллен ; пер. с англ. А. Андреева, Е. Татищевой. — Москва : Like Book, 2019. — 603 с.
20. Волкова Т.А. Формирование культуры «колумбайнеров» в американских учебных заведениях и ее влияние на молодежную среду в современной России / Т.А. Волкова // Вестник гуманитарного образования. — 2018. — № 4 (12). — С. 79–87.

21. Green R. *The Texas Tower Sniper: The Terrifying True Story of Charles Whitman* Paperback / R. Green. — Ryan Green Publishing, 2020. — 166 p.
22. Башурина Е. Природа скулшутинга: почему происходят массовые расстрелы в школах и как их предотвратить / Е. Башурина, М. Михантьева // *Forbes*. — 2021. — 17 мая. — URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/429493-priroda-skulshutinga-rochemu-proishodyat-massovye-rasstrely-v-shkolah-i-kak-ih>.
23. Карпов В.О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах / В.О. Карпов // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. — 2018. — Т. 9, № 4 (34). — С. 442–446.
24. Rowhani-Rahbar A. School Shootings in the U.S.: What Is the State of Evidence? / A. Rowhani-Rahbar, C. Moe. — DOI 10.1016/j.jadohealth.2019.03.016 // *Journal of Adolescent Health*. — 2019. — Vol. 64, iss. 6. — P. 683–684.
25. Livingston M.D. A Descriptive Analysis of School and School Shooter Characteristics and the Severity of School Shootings in the United States, 1999–2018 / M.D. Livingston, M.E. Rossheim, K.H. Hall. — DOI 10.1016/j.jadohealth.2018.12.006 // *Journal of Adolescent Health*. — 2019. — Vol. 64, iss. 6. — P. 797–799.
26. Lankford A.A. Comparative Analysis of Suicide Terrorists and Rampage, Workplace, and School Shooters in the United States from 1990 to 2010 / A. Lankford. — DOI 10.1177/1088767912462033 // *Homicide Studies*. — 2013. — Vol. 17, iss. 3. — P. 255–274.
27. Fritzon K. Beyond Columbine: A Faceted Model of School-Associated Homicide / K. Fritzon, A. Brun. — DOI 10.1080/1068316042000209314 // *Psychology, Crime, & Law*. — 2005. — Vol. 11, iss. 1. — P. 53–71.
28. Katsiyannis A. Historical Examination of United States Intentional Mass School Shootings in the 20th and 21st Centuries: Implications for Students, Schools, and Society / A. Katsiyannis, D.K. Whitford, R.P. Ennis. — DOI 10.1007/s10826-018-1096-2 // *Journal of Child & Family Studies*. — 2018. — Vol. 27, iss. 8 — P. 2562–2573.
29. Бирюкова А.А. Анализ проблем вооруженного нападения учащихся в образовательных организациях / А.А. Бирюкова // *Актуальные проблемы безопасности жизнедеятельности и физической культуры* : сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Кашицыной. — Саратов, 2018. — С. 21–25.
30. Давыдов Д.Г. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика / Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов. — DOI 10.11621/npj.2018.0406 // *Национальный психологический журнал*. — 2018. — № 4 (32). — С. 62–76.
31. Indicators of School Crime and Safety: 2018 / L. Musu, A. Zhang, K. Wang [et al.]. — Washington : U.S. Department of Justice, 2019. — 244 p. — URL: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/iscs18.pdf>.
32. Langman P. Rampage School Shooters: A Typology / P. Langman. — DOI 10.1016/j.avb.2008.10.003 // *Aggression and Violent Behavior*. — 2009. — Vol. 14, iss. 1. — P. 79–86.
33. Brown J.D. Mass Casualty Shooting Venues, Types of Firearms, and Age of Perpetrators in the United States, 1982–2018 / J.D. Brown, A.J. Goodin. — DOI 10.2105/AJPH.2018.304584 // *American Journal of Public Health*. — 2018. — Vol. 108, iss. 1. — P. 1385–1387.
34. Антонян Ю.М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. — Москва : Юристъ, 1996. — 336 с.
35. Offender and Offense Characteristics of a Nonrandom Sample of Adolescent Mass Murderers / J.R. Meloy, A.G. Hempel, K. Mohandie [et al.]. — DOI 10.1097/00004583-200106000-00018 // *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. — 2001. — Vol. 40, iss. 6. — P. 719–728.
36. Громыко Н.В. Использование информационных технологий в качестве «консциентального оружия» / Н.В. Громыко // *Восток : альманах*. — 2005. — Вып. 7/8 (31/32). — URL: <http://art-intel.narod.ru/Konscient.htm>.
37. Сапрыкин В.А. Деструктивное поведение молодежи в условиях информационной войны: колумбайн-вызовы и преодоления / В.А. Сапрыкин. — DOI 10.24158/typor.2019.1.2 // *Теория и практика общественного развития*. — 2019. — № 1 (131). — С. 18–21.
38. Макалатия А.Г. Субъективные факторы притягательности компьютерных игр для детей и подростков / А.Г. Макалатия, Л.В. Матвеева. — DOI 10.11621/npj.2017.0102 // *Национальный психологический журнал*. — 2017. — № 1 (25). — С. 15–24.
39. Farr K. Trouble with the Other: The Role of Romantic Rejection in Rampage School Shootings by Adolescent Males / K. Farr. — DOI 10.1089/vio.2018.0046 // *Violence and Gender*. — 2010. — Vol. 6, no. 3. — P. 147–153.
40. Whaley A.L. The Massacre Mentality and School Rampage Shootings in the United States: Separating Culture from Psychopathology / A.L. Whaley. — DOI 10.1002/casp.2414 // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. — 2020. — Vol. 30, iss. 1. — P. 3–13.
41. Klein J. The Bully Society: School Shootings and the Crisis of Bullying in America's Schools / J. Klein. — URL: <http://jesieklein.com>.
42. A Comprehensive Technical Package for the Prevention of Youth Violence and Associated Risk Behaviors / C. David-Ferdon, A.M. Vivolo-Kantor, L.L. Dahlberg [et al.]. — Atlanta : National Center for Injury Prevention and Control, 2016. — 61 p.
43. David-Ferdon C. Preventing Youth Violence: Opportunities for Action / C. David-Ferdon, T.R. Simon. — Atlanta : National Center for Injury Prevention and Control, 2014. — 51 p.
44. O'Toole M. The School Shooter: a Threat Assessment Perspective / M. O'Toole. — Quantico : National Center for the Analysis of Violent Crime, 2000. — 52 p.
45. Wilson J. School-Based Interventions for Aggressive and Disruptive Behavior. Update of a Meta-analysis / J. Wilson, M.W. Lipsey. — DOI 10.1016/j.amepre.2007.04.011 // *American Journal of Prevention Medicine*. — 2007. — Vol. 33, iss. 2. — P. S130–S143.
46. Levin J. Mass Murder at School and Cumulative Strain: A Sequential Model / J. Levin, E. Madfis. — DOI 10.1177/0002764209332543 // *American Behavioral Scientist*. — 2009. — Vol. 52, iss. 9. — P. 1227–1245.
47. Bonanno C.M. School Shooters: History, Current Theoretical and Empirical Findings, and Strategies for Prevention / C.M. Bonanno, R.L. Levenson. — DOI 10.1177/2158244014525425 // *SAGE Open*. — 2014. — Vol. 4, iss. 1. — P. 1–11.

48. Addington L.A. Cops and Cameras: Public School Security as a Policy Response to Columbine / L.A. Addington. — DOI 10.1177/0002764209332556 // *American Behavioral Scientist*. — 2009. — Vol. 52, iss. 10. — P. 1426–1446.
49. Tompkins A. These Teen Activists want you to run their Pictures if they die by gun Violence. Read these Guidelines first / A. Tompkins // Poynter. — 2019. — URL: <https://www.poynter.org/business-work/2019/these-teen-activists-want-you-to-run-their-pictures-if-they-die-by-gun-violence-read-these-guidelines-first/>.
50. Rocque M. Exploring School Rampage Shootings: Research, Theory, and Policy / M. Rocque. — DOI 10.1016/j.soscij.2011.11.001 // *The Social Science Journal*. — 2012. — Vol. 49, iss. 3. — P. 304–313.
51. Sorensen E. Violent Computer Games in the German Press / E. Sorensen. — DOI 10.1177/1461444812460976 // *New Media & Society*. — 2013. — Vol. 15, iss. 6. — P. 963–981.
52. Ларина Е. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден / Е. Ларина, В. Овчинский. — Москва : Кн. мир, 2014. — 352 с.

REFERENCES

- Demidova-Petrova E.V. The Criminalization of Juveniles and its Prevention Measures in the Context of Globalization. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2018, no. 4, pp. 134–137. (In Russian). DOI: 10.24411/2078-5356-2018-10421.
- Travers A., McDonagh T., Elklit A. Youth Responses to School Shootings: A Review. *Current Psychiatry Reports*, 2018, vol. 20, pp. 47. DOI: 10.1007/s11920-018-0903-1.
- Agnich L.E. A Comparative Analysis of Attempted and Completed School-based Mass Murder Attacks. *American Journal of Criminal Justice*, 2015, vol. 40, no. 1, pp. 1–22. DOI: 10.1007/s12103-014-9239-5.
- Inchley J., Currie D., Budisavljevic S., Torsheim T., Jåstad A., Cosma A. (eds). *Spotlight on adolescent health and well-being. Findings from the 2017/2018 Health Behaviour in School-aged Children (HBSC) survey in Europe and Canada. International report*. Copenhagen, WHO Regional Office for Europe, 2020. Vol. 1. 59 p.
- Salmivalli C. Bullying and the Peer Group: A Review. *Aggression and Violent Behaviour*, 2010, vol. 15, iss. 2, pp. 112–120. DOI: 10.1016/j.avb.2009.08.007.
- Leonard C. *Teachers' Responsibilities towards the Bullying behaviours of Students. Thesis Master of Arts*. Montreal, McGill University, 2013. 128 p.
- Schäfer M., Korn S., Brodbeck F.C., Wolke D., Schulz H. Bullying Roles in Changing Contexts: The Stability of Victim and Bully Roles from Primary to Secondary School. *International Journal of Behavioral Development*, 2005, vol. 29, iss. 4, pp. 323–335. DOI: 10.1080/01650250544000107.
- Pörhölä M. Kiusaaminen Opiskeluyhteisössä [Bullying in University Community]. In Kunttu K., Komulainen A., Makkonen K., Pynnönen P. (eds). *Opiskeluterveys*. Helsinki, Duodecim, 2011, pp. 166–168.
- Pörhölä M. Do the Roles of Bully and Victim Remain Stable from School to University? In Cowie H., Myers C.-A. (eds). *Bullying Among University. Theoretical Considerations*. London, Routledge, 2016, pp. 35–47. DOI: 10.4324/9781315750132-4.
- Bong S.H., Kim K.M., Seolc K.H., Kim J.W. Bullying Perpetration and Victimization in Elementary School Students Diagnosed with Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder. *Asian Journal of Psychiatry*, 2021, vol. 62, iss. 3, pp. 102729. DOI: 10.1016/j.ajp.2021.102729.
- Bochkareva E.V., Strenin D.A. Theoretical and Legal Aspects of Cyberbullying. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 91–97. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).91-97.
- Belknap J., Greathouse T. School Shooting. *Encyclopædia Britannica*, 2019. Available at: <https://www.britannica.com/topic/school-shooting#ref315495>.
- Dumitriu C. Crisis Management in School Shootings Situations. The School — A Forgotten Factor in the Equation. In Böckler N., Seeger T., Sitzer P., Heitmeyer W. (eds). *School Shootings. International Research, Case Studies, and Prevention*. New York, Springer, 2013, pp. 441–476. DOI: 10.1007/978-1-4614-5526-4_20.
- Tyshchenko E.A. School Shooting: the Modern Cause of Students' Fears. *Innovative Development of Science and Education. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference*. Penza, 2019, pp. 300–302. (In Russian).
- Goncharov L.A. «Columbine» and School Shooting in the Structure of youth Extremism and Terrorism. *Vestnik Voronezhskogo instituta ekonomiki i sotsial'nogo upravleniya = Bulletin of Voronezh Institute of Economics and Social Management*, 2019, no. 2, pp. 29–31. (In Russian).
- Dzhindzholiya R.S., Khachidogova M.M. On some Issues of Determining Terrorism and Information Terrorism. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2019, no. 13, pp. 25–28. (In Russian).
- Avakyan M.V. School shootings as a form of terrorism-type deviant behavior. *Modern Technologies and Approaches in Legal Science and Education. Materials of International Scientific and Practical Forum*. Kaliningrad, 2021, pp. 368–375. (In Russian).
- Sukhodolskaya Yu.V. School shooting as an Independent Criminological Phenomenon. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2020, no. 3, pp. 117–120. (In Russian).
- Cullen D. *Columbine*. New York, Twelve, 2009. 432 p. (Russ. ed.: Cullen D. *Columbine*. Moscow, Like Book Publ., 2009. 603 p.).
- Volkova T.A. The Creation of a Culture of «Columbiners» in American Schools and its Impact on Youth in Modern Russia. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya = Herald of Humanitarian Education*, 2018, no. 4, pp. 79–87. (In Russian).
- Green R. *The Texas Tower Sniper: The Terrifying True Story of Charles Whitman Paperback*. Ryan Green Publishing, 2020. 166 p.
- Bashurina E. The nature of school shootings: why mass shootings in schools happen and how to prevent them. *Forbes*, 2021, May 17. Available at: <https://www.forbes.ru/forbeslife/429493-priroda-skulshutinga-pochemu-proishodyat-massovye-rasstrely-v-shkolah-i-kak-ih>. (In Russian).

23. Karpov V.O. Cult of Columbine: main Reasons for School Shooting. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*, 2018, vol. 9, no. 4, pp. 442–446. (In Russian).
24. Rowhani-Rahbar A., Moe C. School Shootings in the U.S.: What Is the State of Evidence? *Journal of Adolescent Health*, 2019, vol. 64, iss. 6, pp. 683–684. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2019.03.016.
25. Livingston M.D., Rossheim M.E., Hall K.H. A Descriptive Analysis of School and School Shooter Characteristics and the Severity of School Shootings in the United States, 1999–2018. *Journal of Adolescent Health*, 2019, vol. 64, iss. 6, pp. 797–799. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2018.12.006.
26. Lankford A.A. Comparative Analysis of Suicide Terrorists and Rampage, Workplace, and School Shooters in the United States from 1990 to 2010. *Homicide Studies*, 2013, vol. 17, iss. 3, pp. 255–274. DOI: 10.1177/1088767912462033.
27. Fritzon K., Brun A. Beyond Columbine: A Faceted Model of School-Associated Homicide. *Psychology, Crime, & Law*, 2005, vol. 11, iss. 1, pp. 53–71. DOI: 10.1080/1068316042000209314.
28. Katsiyannis A., Whitford D.K., Ennis R.P. Historical Examination of United States Intentional Mass School Shootings in the 20th and 21st Centuries: Implications for Students, Schools, and Societ. *Journal of Child and Family Studies*, 2018, vol. 27, iss. 8, pp. 2562–2573. DOI: 10.1007/s10826-018-1096-2.
29. Biryukova A.A. The analysis of the problems of armed attacks of students of educational institutions. In Kashitsyna L.V. (ed.). *Topical Problems of Life Safety and Physical Education*. Saratov, 2018, pp. 21–25. (In Russian).
30. Davydov D.G., Khlomov K.D. Massacres in Educational Institutions: Mechanisms, Causes, Prevention. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2018, no. 4, pp. 62–76. (In Russian).
31. Musu L., Zhang A., Wang K., Zhang J., Oudekerk B.A. *Indicators of School Crime and Safety: 2018*. Washington, U.S. Department of Justice, 2019. 244 p. Available at: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/iscs18.pdf>.
32. Langman P. Rampage School Shooters: A Typology. *Aggression and Violent Behavior*, 2009, vol. 14, iss. 1, pp. 79–86. DOI: 10.1016/j.avb.2008.10.003.
33. Brown J.D., Goodin A.J. Mass Casualty Shooting Venues, Types of Firearms, and Age of Perpetrators in the United States, 1982–2018. *American Journal of Public Health*, 2018, vol. 108, iss. 1, pp. 1385–1387. DOI: 10.2105/AJPH.2018.304584.
34. Antonyan Yu.M., Enikeev M.I., Eminov V.E. *Psychology of a Criminal and Crime Investigation*. Moscow, Yurist Publ., 1996. 336 p.
35. Meloy J.R., Hempel A.G., Mohandie K., Shiva A.A., Gray B.T. Offender and Offense Characteristics of a Nonrandom Sample of Adolescent Mass Murderers. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 2001, vol. 40, iss. 6, pp. 719–728. DOI: 10.1097/00004583-200106000-00018.
36. Gromyko N.V. The use of information technologies as “consciential weapon”. *Vostok = The East*, 2005, iss. 7/8. Available at: <http://art-intel.narod.ru/Konscient.htm>. (In Russian).
37. Saprykin V.A. Destructive Behavior of Youth in the Context of the Information War: Columbine Challenges and Measures to Overcome Them. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2019, no. 1, pp. 18–21. (In Russian). DOI: 10.24158/tpor.2019.1.2.
38. Makalatia A.G., Matveeva L.V. Subjective Factors that Influence Children and Adolescents to be Attracted by Computer Games. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2017, no. 1, pp. 15–24. (In Russian). DOI: 10.11621/npj.2017.0102.
39. Farr K. Trouble with the Other: The Role of Romantic Rejection in Rampage School Shootings by Adolescent Males. *Violence and Gender*, 2010, vol. 6, no. 3, pp. 147–153. DOI: 10.1089/vio.2018.0046.
40. Whaley A.L. The Massacre Mentality and School Rampage Shootings in the United States: Separating Culture from Psychopathology. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 2020, vol. 30, iss. 1, pp. 3–13. DOI: 10.1002/casp.2414.
41. Klein J. *The Bully Society: School Shootings and the Crisis of Bullying in America's Schools*. Available at: <http://jessieklein.com/>.
42. David-Ferdon C., Vivolo-Kantor A.M., Dahlberg L.L., Marshall K.J., Rainford N., Hall J.E. *A Comprehensive Technical Package for the Prevention of Youth Violence and Associated Risk Behaviors*. Atlanta, National Center for Injury Prevention and Control, 2016. 61 p.
43. David-Ferdon C., Simon T.R. *Preventing Youth Violence: Opportunities for Action*. Atlanta, National Center for Injury Prevention and Control, 2014. 51 p.
44. O'Toole M. *The School Shooter: a Threat Assessment Perspective*. Quantico, National Center for the Analysis of Violent Crime, 2000. 52 p.
45. Wilson J., Lipsey M.W. School-Based Interventions for Aggressive and Disruptive Behavior. Update of a Meta-analysis. *American Journal of Prevention Medicine*, 2007, vol. 33, iss. 2, pp. S130–S143. DOI: 10.1016/j.amepre.2007.04.011.
46. Levin J., Madfis E. Mass Murder at School and Cumulative Strain: A Sequential Model. *American Behavioral Scientist*, 2009, vol. 52, iss. 9, pp. 1227–1245. DOI: 10.1177/0002764209332543.
47. Bonanno C.M., Levenson R.L. School Shooters: History, Current Theoretical and Empirical Findings, and Strategies for Prevention. *SAGE Open*, 2014, vol. 4, iss. 1, pp. 1–11. DOI: 10.1177/2158244014525425.
48. Addington L.A. Cops and Cameras: Public School Security as a Policy Response to Columbine. *American Behavioral Scientist*, 2009, vol. 52, iss. 10, pp. 1426–1446. DOI: 10.1177/0002764209332556.
49. Tompkins A. These Teen Activists want you to run their Pictures if they die by gun Violence. Read these Guidelines first. *Poynter*, 2019. Available at: <https://www.poynter.org/business-work/2019/these-teen-activists-want-you-to-run-their-pictures-if-they-die-by-gun-violence-read-these-guidelines-first/>.
50. Rocque M. Exploring School Rampage Shootings: Research, Theory, and Policy. *The Social Science Journal*, 2012, vol. 49, iss. 3, pp. 304–313. DOI: 10.1016/j.soscij.2011.11.001.
51. Sorensen E. Violent Computer Games in the German Press. *New Media & Society*, 2013, vol. 15, iss. 6, pp. 963–981. DOI: 10.1177/1461444812460976.
52. Larina E., Ovchinskii V. *Cyberwars of the 21st Century. What Edward Snowden was Silent about*. Moscow, Knizhnyi Mir Publ., 2014. 352 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Волчецкая Татьяна Станиславовна — заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Балтийского федерального университета имени И. Канта, доктор юридических наук, профессор, г. Калининград, Российская Федерация; e-mail: larty777@gmail.com.

Авакьян Михаил Владимирович — доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Балтийского федерального университета имени И. Канта, кандидат юридических наук, г. Калининград, Российская Федерация; e-mail: avakyan1992@gmail.com.

Осипова Екатерина Васильевна — доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Балтийского федерального университета имени И. Канта, кандидат юридических наук, г. Калининград, Россия; e-mail: evosipova@kantiana.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Волчецкая Т.С. Криминологическая характеристика и профилактика склуштинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах / Т.С. Волчецкая, М.В. Авакьян, Е.В. Осипова. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(5).578-591 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 5. — С. 578–591.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Volchetskaya, Tatyana S. — Head, Chair of Criminal Procedure, Criminalistics and Legal Informatics, Immanuel Kant Baltic Federal University, Doctor of Law, Professor, Kaliningrad, the Russian Federation; e-mail: larty777@gmail.com.

Avakyan, Michael V. — Ass. Professor, Chair of Criminal Procedure, Criminalistics and Legal Informatics, Immanuel Kant Baltic Federal University, Ph.D. in Law, Kaliningrad, the Russian Federation; e-mail: avakyan1992@gmail.com.

Osipova, Ekaterina V. — Ass. Professor, Chair of Criminal Procedure, Criminalistics and Legal Informatics, Immanuel Kant Baltic Federal University, Ph.D. in Law, Kaliningrad, the Russian Federation; e-mail: evosipova@kantiana.ru.

FOR CITATION

Volchetskaya T.S., Avakyan M.V., Osipova E.V. The criminological description and prevention of school shootings and cyberbullying in Russia and abroad. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 5, pp. 578–591. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(5).578-591.